

Г.Л. Кертман: *Клише «распад Союза» адресуется не к самому историческому событию, а к его долгосрочным и глубоким следствиям, актуализируя иные пласты массового сознания.*

Прежде чем сказать несколько слов по поводу основной темы, хочу вернуться к вопросу о войне. В чем проблема с этим мифом основания? Не только в «эффекте самозванца», о котором говорил Никита Соколов: что мы, сегодняшние – не тот народ, который выиграл войну. Дело еще и в том, что когда война, как в сегодняшнем публичном дискурсе, оказывается главным, если не единственным событием в истории страны, то и весь арсенал метафор, понятий, при помощи которых описываются сегодняшние и социальные, и политические, и какие угодно процессы, становится военным. Отсюда возникает название «Наши», общественное пропрезидентское движение именуется фронтом, а его участники – «фронтовиками» и так далее. Да вот я сам сейчас сказал: арсенал метафор. Мог бы сказать, допустим, «резервуар» или «ассортимент» метафор, но использовал – и совершенно произвольно – именно военную аналогию.

Наш язык на это настроен: военная метафорика, лежащая в основе интерпретации всего, опасна тем, что навязывает и определенные модели поведения гражданина. Модели по преимуществу конфронтационные: «наши» противостоят «не нашим», «чужим», где фронт – там, естественно, и враг. И так далее. То есть в этой картине мира, формируемой военной метафорикой, адекватное поведение и в гражданской сфере, и в политике, и везде – это поведение мобилизованного человека, видящего везде «своих» и «чужих» и готового беспрекословно выполнять указания вышестоящих. Вот тут, по-моему, основные социальные издержки избыточной фокусировки на войне.

Теперь – непосредственно, к теме дискуссии. В массовом сознании реальные события начала 90-х годов, связанные с распадом Союза, в действительности, не воспринимаются как очень значимые и катастрофические. Где-то три года назад мы, ФОМ, провели такой очень

тяжеловесный опрос, где людям была предложена карточка с огромным количеством исторических событий, начиная с 85-го года и заканчивая 2011-12 гг.

Там было перечислено три-четыре десятка самых разных событий, а вопрос звучал так: какие из перечня событий Вы считаете важными, оказавшими существенное влияние на жизнь нашей страны и людей? Можно было выбирать любое количество ответов – без ограничений.

Первое место занял дефолт 98-го года. Второе место – Чернобыль. Дефолт назвали 51% опрошенных, Чернобыль – 45%. Третье место – 39% - вывод войск из Афганистана. На самом деле, это события более чем важные, причем очень сильно разнесенные во времени. На четвертом месте – вторая чеченская война – 34%. А Беловежские соглашения были существенно ниже в иерархии – 19% их упомянули. Антиалкогольную кампанию, кстати, чаще, чем Беловежские соглашения, упоминали как событие, сыгравшее важную роль...

В списке было еще несколько событий, напрямую связанных с кончиной СССР: Августовский путч, Декларация о суверенитете России, еще что-то. И все они оказались в этом рейтинге событий – в нижней его части. То есть, если бы мы употребили клише «распад Союза», результат был бы, конечно, иным: эту позицию отметили бы очень многие и она «взлетела» бы вверх, скорее всего – на первую строчку рейтинга. Но это было бы нечестно.

Почему нечестно? Потому что в массовом сознании распад Союза в строгом, «событийном» смысле – как крушение этого геополитического образования – неразрывно связан с экзистенциальной катастрофой, если угодно, с кардинальной ломкой всего жизнеустройства и образа жизни. И если мы говорим «распад Союза», то у человека с этим ассоциируется не изменение границ государства и даже не смена политического строя, а возникновение рынка (в самом непрезентабельном виде начала 90-х), нестабильность, социальное неравенство, скачущий валютный курс, безработица. И в таком, расширительном толковании, органичном для

массового сознания, «распад Союза» - как общий «лейбл» для всего исторического переворота, пережитого страной в конце XX века, - воспринимается, естественно, как самое важное «событие». Но это – подмена понятий: клише «распад Союза» адресуется не к самому историческому факту, приключившемуся на исходе 1991 г., а к его долгосрочным и глубоким следствиям, актуализируя иные пласты массового сознания. Потому и было бы нечестно его использовать в анкете.

Кстати, когда у людей спрашивают: «Какие первые ассоциации приходят вам в голову, когда Вы слышите слова – Советский Союз?», – то о державе, об империи говорят единицы. А прежде всего говорят: я там вырос, я это помню, детство, приятные, хорошие воспоминания. И почти так же часто: стабильность, это было стабильное время, спокойное, хорошее время. А какие бы то ни было категории, связанные с государственно-политическим устройством, спонтанно возникают в ответах неизмеримо реже. Причем такое ностальгическое восприятие советского прошлого воспроизводится и в младших поколениях.

Мы спрашивали людей моложе 40 лет, из чего прежде всего формируется их представление о советских временах. Школа там оказалась в рейтинге довольно высоко, но все-таки ее упомянули всего 30%. А на первом месте оказались рассказы старших, причем с огромным отрывом: 73%. На втором месте – советское кино. Про российское кино о советских временах, кстати, говорили гораздо реже. Итак, те, кто моложе 40 лет, узнают о том времени, прежде всего, из разговоров со старшими и из советского кино.

А у тех, кто старше 40 лет, мы выясняли, рассказывают ли они о советском прошлом молодым. И если да, то часто или редко? И оказалось, что люди, сожалеющие о распаде Советского Союза, гораздо чаще рассказывают о советской эпохе молодежи, своим детям, внукам и т.д., чем те, кто сожаления не испытывает.

Так что, те немолодые люди, которые не склонны идеализировать советские времена, не испытывают ностальгии по ним и осуждают своих

сверстников, транслирующих такие настроения, несут, объективно говоря, немалую ответственность за воспроизводство ностальгии в среде молодежи – поскольку, в отличие от своих «оппонентов», предпочитают молчать. Это надо осознать – и сделать выводы.

И еще хотел бы сказать относительно масштабов этой ностальгии. Мы, как и другие поллстеры, время от времени спрашиваем, сожалеют ли люди о распаде Союза. Последний раз, когда мы об этом спрашивали (это было уже в новой, посткрымской реальности), 59% респондентов сказали, что сожалеют, 22% - что не сожалеют.

Собственно, пик ностальгии пришелся на конец 90-х годов, когда о распаде Советского Союза сожалели почти 90% граждан. Но потом этот показатель заметно снизился. Был момент (в конце 2011 г.), когда доля сожалеющих упала до 51%. Абсолютное большинство, но уже не сказать, чтобы очень убедительное. Потом этот показатель снова стал немного расти. Сейчас, как видим, – около 60%.

Но среди тех, кто моложе 40, сейчас сожалеют о распаде Союза – то есть, по сути, повторю, не столько о самом геополитическом событии, сколько о его социальных и экзистенциальных последствиях – 37%, а не сожалеют 31%. То есть, в общем-то, почти поровну – и еще треть затрудняется с оценкой.

Так что не стоит преувеличивать масштабы ностальгии по советским временам. Ее испытывает большинство, но немало и тех, кому эта эмоция чужда. И в младшем поколении она воспроизводится все же не в полном объеме: несмотря на ностальгический тренд СМИ и словоохотливость старших, любящих вспоминать «доброе старое время», здесь она распространена меньше. Так что с течением времени соответствующий эмоциональный фон будет постепенно слабеть.